

Шэнь Цинчи заперся в уборной и отправил Шэнь Фану сообщение. Посчитав, что слов «Дядя, спаси меня» недостаточно, он набрал второе:

— Они заперли меня дома, у дверей стоят телохранители, я не могу выйти. Мои документы и уведомление о зачислении у них, они не отдают. У мамы есть ключи от моей комнаты, я боюсь, что она ворвется в любой момент. Мне так страшно, что мне делать?

Он не был уверен, приедет ли Шэнь Фан на помощь. Будет хорошо, если приедет, но, если нет, у него был запасной план.

Умный человек не кладет все яйца в одну корзину. Как только сообщение ушло, он начал обдумывать «план Б». Сейчас стало ясно, что договориться с этой парой невозможно, поэтому лучший выход — вызвать полицию.

На самом деле, прежний владелец тела уже пытался это сделать, но когда приезжала полиция, родители Шэнь отсылали их восояси, заявляя, что это лишь семейные дела: ребенок не понимает жизни, и они просто решили его припугнуть, чтобы проучить.

Прежний Шэнь не отличался красноречием, он не мог тягаться с ними в спорах. Видя, как уезжает полиция, он окончательно падал духом. После того случая родители Шэнь отобрали у него все средства связи и больше не позволяли контактировать с внешним миром.

Значит, на полицию можно рассчитывать лишь один раз.

В крайнем случае он устроит скандал: сначала будет плакать и жаловаться, а если не поверят — прибегнет к более радикальным мерам, например...

Шэнь Цинчи вышел из уборной, порылся в вещах в спальне и достал канцелярский нож.

Например, пригрозит ножом. Если удастся заставить полицейских забрать его в участок, можно считать, что дело наполовину сделано.

Он спрятал нож в складках одежды, подошел к окну, приоткрыл занавеску и, сжимая в руке телефон, стал наблюдать за двором.

Экран телефона оставался темным — Шэнь Фан не ответил.

Из окна отлично просматривались ворота. Телохранители по-прежнему стояли в тени деревьев, не сдвинувшись с места.

Как раз когда Шэнь Цинчи раздумывал, когда же приводить в исполнение «план Б», на горизонте показалась машина.

Знакомая. Кажется, та самая, что привозила его утром.

Машина Шэнь Фана!

Глаза Шэнь Цинчи засияли. Автомобиль остановился прямо у ворот виллы. Шэнь Фан вышел, перекинулся парой слов с охранниками, и те почтительно расступились, пропуская его.

Шэнь Цинчи снова задернул занавеску, про себя подумав, что этот Шэнь Фан хорош: на сообщения не отвечает, а примчался быстрее всех.

Он подошел к двери и прижался ухом к дереву. Снаружи донесся голос Шэнь Фана:

— Где Шэнь Цинчи? А ну, пусть немедленно выходит!

Шэнь Цзин, услышав шум, вышел навстречу с дежурной улыбкой:

— Сяо Фан, ты чего приехал?

Шэнь Фан проигнорировал любезности и сразу перешел к делу:

— Брат, твой сын дома?

— Дома, конечно. Разве это не ты приказал утром его привезти? — ответил Шэнь Цзин. — Почему так спешишь его видеть? Что-то случилось?

— Случилось?! Ты хоть знаешь, что он вытворил у меня дома вчера вечером? — Шэнь Фан едва сдерживал гнев, на его лице читалась нескрываемая ярость. Он достал из кармана что-то и разжал кулак. — Взгляни на это.

Шэнь Цзин присмотрелся и увидел в его ладони осколки грецкого ореха. Он нахмурился:

— Это... орехи? Те самые, что я тебе дарил? Почему они разбиты?

— Твой сынок постарался! — рявкнул Шэнь Фан. — Утром я его отправил, решил проверить свои орехи, а их нет! Знаешь, где я их нашел? В мусорном ведре! Он не только расколол их, но еще и улики решил уничтожить — выкинул! Почему он еще и мусор не прихватил, чтобы я вообще концов не нашел?!

— Сяо Фан, успокойся, — поспешил утешить его Шэнь Цзин. — Подумаешь, пара орехов. Раскололись — ну и ладно, я тебе новые подарю.

— Что значит — ну и ладно? — Шэнь Фан, казалось, был вне себя от ярости. — Не говоря уже о том, что это подарок от тебя, и о их ценности, я ими занимался целых шесть лет! Шесть лет! А

ты мне говоришь — ну и ладно?

— Но...

— Брат, ты ведь не собираешься сказать мне, что на этом всё? — Шэнь Фан впился взглядом в глаза собеседника, его лицо помрачнело. — Я знаю, что ты души не чаешь в сыне, и если бы он сломал что-то другое, я бы промолчал, но только не это.

— Нет-нет, я не это имел в виду, — поспешно оправдывался Шэнь Цзин. — Это действительно вина Цинчи. Давай так: скажи, как нам уладить это дело?

— Для начала позови его сюда. Я хочу, чтобы он лично принес мне извинения.

— Это... — Шэнь Цзин на мгновение задумался. — Хорошо, я позову его.

Шэнь Цинчи стоял у двери и подслушивал. Из-за расстояния слышно было плохо, но суть он уловил.

Орехи... Значит, те самые орехи подарил Шэнь Цзин?

Шэнь Фан неплохо придумал предлог. Разбить орехи, которые «вращали» в руках шесть лет — повод не шуточный, к тому же с такой историей, что Шэнь Цзину и крыть нечем.

Но почему они не договорились заранее? Неужели не боятся, что он не подыграет и всё провалится? Или... это проверка? Хотят узнать, достаточно ли он умен и стоит ли его спасать?

Пока он размышлял, услышал требование Шэнь Фана позвать его, и отступил от двери.

Вскоре послышался стук, и голос Шэнь Цзина раздался за дверью:

— Цинчи, иди сюда, твой дядя хочет с тобой поговорить.

Шэнь Цинчи сделал вид, что не слышит.

Шэнь Цзин подождал несколько секунд, не дождался ответа и снова постучал:

— Цинчи? Открывай дверь, у дяди есть дело.

Шэнь Цинчи продолжал молчать.

На третий раз Шэнь Цзин окончательно потерял терпение, его голос стал жестче:

— Что с тобой такое, ребенок? Почему ты не слушаешься? Быстро открывай дверь!

Дверь отворилась. Шэнь Цинчи вышел, низко опустив голову и молча.

Шэнь Фан подошел следом, и, как только увидел его, бросился вперед, схватил за руку и вытащил из комнаты, яростно воскликнув:

— Шэнь Цинчи, говори! Это ты сделал?!

Шэнь Цинчи взглянул на осколки орехов в его руках и испуганно прошептал:

— Я... я не...

— Еще хочешь отпираться? — перебил его Шэнь Фан. — Раз сделал, так признавайся, не позорь отца.

Шэнь Цинчи до боли прикусил губу.

Конечно, он признается. Но нельзя делать это сразу. Если он будет слишком услужлив перед Шэнь Фаном, это вызовет подозрения у Шэнь Цзина.

— Я... — у него на глаза навернулись слезы, он отчаянно опустил голову и пробормотал: — Я не хотел. Там... на столе лежал пакет с орехами, я думал, эти два выпали из пакета... они же съедобные, вот я и...

— Ты хоть видел, что эти орехи выглядят иначе, чем остальные? — Шэнь Фан крепко сжал его плечо, тыча осколками прямо в лицо. — Они хоть чем-то похожи на еду?

— Я... я не знал... — Шэнь Цинчи почти плакал от страха. — Простите, я понял, что что-то не так, только когда открыл их, но...

— Раз понял, почему не сказал? Зачем решил всё сам и выкинул, а потом ел другие, перемешал всё, так что я полдня в мусоре рылся и даже собрать ничего не смог? — Шэнь Фан так злился, что массировал виски. — Отлично играешь в уничтожителя улик, Шэнь Цинчи!

— Я правда не нарочно! — Шэнь Цинчи не смог сдержать слез и всхлипнул. — Вы же сами сказали... не мешать вам...

— Еще и споришь!

— Ладно, ладно! — Шэнь Цзин поспешно развел их в стороны, оттаскивая Шэнь Фана. — Сяо Фан, остынь. Что сделано, то сделано, криками делу не поможешь.

— Тогда предлагай решение!

Шэнь Цзин сказал:

— Я куплю тебе новые или дам денег. Эти орехи ты так долго хранил... Давай я дам тебе двести тысяч, как тебе?

— ...Брат, ну как ты не поймешь, дело же не в деньгах? — Шэнь Фан указал на Шэнь Цинчи. — Мне не нужны деньги. Если хочешь возместить ущерб, пусть твой сын принесет мне пару готовых орехов. Запомни: я хочу именно «ручные», не смей подсовывать машинную полировку!

— Это... — Шэнь Цзин выглядел крайне смущенным. — Ты ведь шесть лет их «вращал», хочешь, чтобы и Цинчи шесть лет их вращал?

— Разумеется.

Услышав про шесть лет, Шэнь Цинчи испуганно вытаращил глаза и принялся отчаянно мотать головой в сторону Шэнь Цина.

— Ну, это не невозможно, — взвесил слова Шэнь Цзин. — Давай так: я попрошу друзей достать для тебя пару, пусть Цинчи начнет работать над ними, а когда дойдет до нужной кондиции, ты их заберешь.

— Хорошо, — кивнул Шэнь Фан, его голос стал мягче. — Да, кстати, брат, может, дашь мне контакты своего друга? А то тот сорт орехов мне уже поднадоел, хочу сменить.

— Без проблем, я скину тебе его вчат, договоришься сам.

Шэнь Фан добавил человека в друзья, а потом, вспомнив о чем-то, повернулся к Шэнь Цинчи, оглядывая его с ног до головы:

— Ты вообще умеешь вращать орехи?

Шэнь Цинчи поспешно покачал головой.

— Не умеешь? А если ты их испортишь? — Шэнь Фан нахмурился, выражая полное недоверие, и потер подбородок костяшками пальцев. — Ты сейчас на летних каникулах?

Шэнь Цинчи не понимал, к чему он клонит, инстинктивно отступил на два шага и посмотрел на Шэнь Цина, ища помощи.

— Давай так, брат: отдай его мне, я сам его научу, иначе я не буду спокоен.

— Отдам тебе? Что это значит?

— Пусть поживет у меня. Всё равно он сейчас свободен. Я буду следить, чтобы он не ленился и не хитрил, а когда каникулы закончатся, я его верну.

— Нехорошо это, — Шэнь Цзин сразу нахмурился, услышав, что тот хочет забрать Цинчи. — Не волнуйся, я сам за ним присмотрю.

— Брат, не хочу обидеть, но это твой сын. Ты так его опекаешь, сможешь ли ты его на самом деле наказать? Я заставил его извиниться, а ты и то колебался, — сказал Шэнь Фан. — И потом, ты сам разбираешься в орехах? Будешь следить за ним — поймешь, хорошо он работает или плохо?

Шэнь Цзин, казалось, был убежден, он хмурился, не отвечая.

Шэнь Цинчи заволновался:

— Нет, я не...

Шэнь Фан снова подошел к нему, положил руку на затылок и крепко сжал:

— Не бойся, я всего лишь хочу, чтобы ты возместил мне ущерб, я тебя не съем. Требования невысокие: восемь часов в день, время на еду и сон будет.

Последнюю фразу он произнес сквозь зубы, голос прозвучал зловеще. По коже Шэнь Цинчи пробежали мурашки, он невольно задрожал.

Шэнь Цзин долго размышлял, видимо, обдумывая какую-то важную деталь, и наконец кивнул:

— Хорошо. Но ты смотри, чтобы он не разгуливал где попало, я буду переживать.

— Разумеется.

Шэнь Цинчи воскликнул в панике:

— Почему?! Я не хочу!

— Цинчи, — Шэнь Цзин отвел его в сторону и понизил голос, — поезжай с дядей, повращаешь орехи пару дней. Будешь хорошо себя вести — он быстро остынет.

— Но мои...

— Твои вещи отец обязательно найдет, — Шэнь Цзин крепко хлопнул его по плечу, обрывая на

полуслове. — До начала занятий всё будет возвращено тебе в целости и сохранности.

Шэнь Цинчи мысленно усмехнулся. Только дурак в это поверит.

Уведомление о зачислении забрали вчера вечером, его еще не успели перепрятать — скорее всего, оно всё еще в доме. Шэнь Цзин согласился отдать его Шэнь Фану лишь для того, чтобы тот не мешал ему избавиться от документов.

Конечно, была и более важная причина: он не хотел окончательно ссориться с Шэнь Фаном.

В романе, с тех пор как Шэнь Фан спас Шэнь Цзина шесть лет назад, тот всегда относился к нему хорошо и исполнял любые просьбы, если они не были слишком уж нелепыми. Именно это в итоге и стало причиной, по которой Шэнь Фан его сверг.

Шэнь Цзин слегка подтолкнул сына:

— Иди собирай вещи.

Шэнь Цинчи вытер слезы и молча ушел в комнату.

Собирать было особо нечего. Он запихнул в сумку пару вещей, с угрюмым видом вышел к Шэнь Фану, всем своим видом выражая протест.

Когда они сели в машину и отъехали от виллы клана Шэнь больше чем на километр, он поднял голову и посмотрел в окно.

Непонятно почему, но, сбежав во второй раз, он не чувствовал особого облегчения. Видимо, отвратительное лицо Шэнь Цзина вызывало у него тошноту. При мысли, что прежний владелец тела был у него на побегушках, ему становилось не по себе.

Он не знал, куда делся тот парень после того, как он сам занял это место, но надеялся, что тот жив, что он где-то в этом мире живет той жизнью, о которой мечтал.

— Что, злишься? — Шэнь Фан, заметив его подавленное состояние, первым заговорил. — Обиделся, что я не посоветовался и обвинил тебя в том, что ты разбил мои орехи?

— ...Нет, — Шэнь Цинчи опустил глаза. — Я знаю, что вы хотели мне помочь. Если бы он узнал, что мы сговорились, он бы меня не отпустил.

— Ты не такой глупый, как я думал, — Шэнь Фан приподнял бровь. — Из-за уведомления о зачислении?

Шэнь Цинчи промолчал.

— Не волнуйся, дядя поможет тебе с этим разобраться. Ты обязательно поступишь в университет.

— На самом деле не только из-за этого, — Шэнь Цинчи опустил голову и начал теревать пальцы. — Просто немного грустно.

Грустно за того, другого.

— Из-за родителей?

— ... — Шэнь Цинчи поджал губы. — Они мне не родители.

Пока они стояли на светофоре, Шэнь Фан повернул голову и посмотрел на профиль юноши. Он заметил бледность его кожи, плотно сжатые губы, тонкую, но натянутую, словно струна, спину — он был похож на стеклянный сосуд, который вот-вот треснет под давлением.

Все-таки еще ребенок.

Шэнь Фан едва слышно вздохнул и потянулся, чтобы взъерошить его волосы. Свежий запах лекарств пролетел мимо, на лбу осталось тепло его пальцев.

Шэнь Фан, увидев застывшее выражение лица парня, чуть тронул губы улыбкой, снова положил руки на руль и тронулся с места.

А ведь он довольно милый.

<http://bllate.org/book/21917/2277171>